

АЛИНА ЕРМОЛАЕВА

*Монологи
в Нас...*

Алина Ермолаева

Монологи о Нас...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270396

ISBN 9785449347589

Аннотация

«Монологи о Нас...» – книга о любви. Разговор двух любящих сердец, мужской и женский взгляд на одно большое чувство. Тонко и нежно, страстно и болезненно, громко и шепотом. Слова, которые переполняют душу, но так редко слетают с наших губ.

Содержание

Они всегда возвращаются	6
Люди исключения	7
Смогла бы отказаться?	9
Привет, бродяга	10
Привет, воровка	12
Ласточка	14
Многое рассказать	15
Привкус	17
У нее ничего не было	18
Ты шла мне навстречу	19
Когда я тебя впервые увидел	21
Разве можно забыть?	23
Сумасшедшие	25
Ты была самой странной девушкой, которую я встречал	27
Не из тех	29
Бабочки	30
Тонул в этих глазах	31
Был бы ты моим	33
Хотела быть нежной	34
Когда мы перестали быть родными?	35
Одиночество на двоих	37
Я искал в тебе покой	39

Мы как черное и белое	41
Лето в городе	42
Вкус моря	43
Не отдам	44
Демон	45
Не мог вытерпеть	47
Свирепость	49
Никогда не скажу	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Монологи о Нас...

Алина Ермолаева

© Алина Ермолаева, 2018

ISBN 978-5-4493-4758-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И вот разрушенная, поверженная и опустошённая я упала на колени перед Богом, и, положив голову свою ему на плаху, сказала: «Решай. Я вся во власти твоей, карай за грехи мои или милуй за праведные дела.»

А он послал мне тебя, любовь моя...

Они всегда возвращаются

Они всегда возвращаются, наши любимые...

Обрывками воспоминаний, мелодиями песен, кадрами из прошлой счастливой жизни. Они приходят ночью, словно покинувшие бrenную землю, призраки, заходят без стука в наши сны и дарят нам там свои объятия и поцелуи, о которых наяву нам страшно даже подумать. Они врываются в наши мысли лёгким весенним ветром, наполняют комнату ароматом сирени и ждут, когда мы опьянеем от их присутствия. Они ложатся маленькими белыми звездочками – снежинками нам на ресницы и медленно тают на них, даря свою нежность... Они, нет-нет, да промелькнут знакомым силуэтом в толпе, исчезнув за ближайшим поворотом, заставив сердце больно сжаться в груди и понять, что на самом деле, они всегда в нём были, и никуда из него не уходили...

Люди исключения

О жизни я знаю немного, но одно я поняла точно: есть обычные люди, а есть нет. И для этих самых необычных все наши внутренние законы и принципы не работают, прекрасно распространяясь на других. Люди-исключения. У каждого был или есть, а может только будет такой, которому можно то, что нельзя всем остальным. Рассуждать о том, что это плохо, бессмысленно. Всепрощение принято осуждать, но, в глубине души, каждый из нас сам очень хочет стать для кого-то таким исключением. Нет, вовсе не ради власти над чужим сердцем, хотя её получаешь по умолчанию. А ради полного и абсолютного твоего приятия.

Человек – исключение надолго врезается в память, и как правило, навсегда в сердце. Он не спрашивает твоего разрешения войти, ты сам даёшь ему все ключи от своей души и разрешаешь делать то, что вздумается. Он крушит, ломает твой мир, переворачивает в нем всё с ног на голову, а ты, такой сильный, гордый и волевой, вдруг обнаруживаешь, что ничего не можешь с этим сделать. Возможно, такие встречи и нужны, чтобы весь упорядоченный твой мир полетел ко всем чертям. Жизнь не любит отсутствия изменений во взглядах и суждениях, она бушующий, стремительный поток. Никогда не говори никогда – это главное и, воз-

можно, единственно устойчивое правило жизни.

Смогла бы отказаться?

Я часто думаю, а смогла бы я отказаться от тебя, зная, какие испытания мне принесёт эта наша встреча? Смогла бы я закрыть глаза, увидев твою улыбку, пройти мимо тебя, не сказав ни слова и, тем самым, сбережь себя и тебя от того сумасшествия, которое с нами случилось? Если бы унесла меня машина времени в тот день, когда я впервые увидела тебя, подошла бы я снова к тебе, зная, как круто изменится после этого моя и твоя судьба, как сломается и разобьётся моё сердце, как разорвётся в клочья твоя душа? Смогла бы я остановиться и не посмотреть в твои глаза, не пустив наши, такие налаженные и ровные на тот момент, жизни под откос? Я задаю себе эти вопросы, хотя прекрасно знаю ответ.

Не смогла бы.

Привет, бродяга

Привет, бродяга. Расскажи мне, как ты шёл ко мне. Расскажи, сколько сердец пришлось разбить тебе ненароком на пути ко мне. Я хочу знать всё, мне важна каждая мелочь о тебе, каждая деталь. Я хочу знать, что снится тебе, когда просыпаешься ты в холодном поту от ночного кошмара. Мне интересно, что ты любил в детстве: сказка, мультфильм, книжка. Это не простое любопытство, нет. Я хочу лучше тебя понять, чтобы мы могли сидеть долгими вечерами у моря, медленно потягивая из трубочки какой-то непонятный напиток, и смотреть вдаль. Бродяга, мой любимый, сколько у меня для тебя припасено рассказов – на три жизни вперёд хватит. Я все тебе расскажу. Расскажу, как мама учила меня стойкости, а папа доброте. Как в детстве я училась прятать слёзы, чтобы не показаться слабой, когда задирали мальчишки. Расскажу, как воровала крыжовник у злой тётки со своей «бандой», запрятав его себе в белые носочки, а потом меня выталкивали вперёд, чтобы я за всех отчиталась. Я расскажу тебе о предательствах. О том, как разможили мне сердце в последний раз, тоже расскажу. Не утаю и о том, какая я была жестокая порой с теми, кого я не любила, но кто напрасно пытался любить меня. Господи, бродяга, я готова рассказать тебе каждый свой грех, каждый промах, каждый позор свой, ведь я знаю, что не засмеёшься, не осу-

дишь, не скажешь ерунды всякой.

Ты обнимешь просто, прошепчешь: « Где же ты раньше была, любовь моя?»»

Привет, воровка

Ну, привет, воровка. Да, я это тебе, маленький чертёнок, что украл моё сердце. Расскажи мне. Как ты живёшь? Чем дышишь? Кого любишь, а кого ненавидишь? Я хочу знать о тебе всё. Где ты была, что видела и сколько раз думала обо мне. А думала ли вообще? Как бы мне хотелось залезть в твою хорошенькую голову и прочитать все твои мысли. Как хотелось бы мне взять скальпель и, сделав аккуратный надрез, вынуть твою душу, пока ты спишь, и посмотреть, как в ней всё устроено, чтобы потом мастерски управлять тобой, зная все твои потайные секреты. Ты смотришь на меня и улыбаешься. Я улыбаюсь тебе в ответ. Ты умеешь носить улыбку, в этом мы с тобой похожи. Носить улыбку даже тогда, когда внутри тебя Хиросима в огне. Как бы я хотел уберечь тебя от всего, забрать, выкрасть из этого мира и убежать туда, куда ты всегда хотела. К морю. Знала бы ты, что глаза твои и есть два огромных моря, в которых я давно утонул. Как бы я хотел сделать тебя счастливой. Такой счастливой, что открыв поутру глаза, ты начинала бы искриться от восторга и полноты жизни. И смеяться. Я полюбил твой смех, прежде, чем осознал это. И я более всего на свете мечтаю, чтобы ты хоть раз ещё засмеялась так, как когда-то – искренне и по-детски.

Но ты стоишь и улыбаешься мне спокойно и ровно, словно

Мы два незнакомца.

Девочка недоразумение, укравшая мое сердце...

Ласточка

У меня в глазах тысячи звёзд и планет.

Всё для тебя. Я опускаю веки часто, когда выхожу на улицу, или надеваю темные очки, мне не хочется, чтобы кто-то ещё всё это видел. У меня в душе живёт ласточка. Я её кормлю своим сердцем, а потом отпускаю к тебе. Мне нравится, когда она касается тебя крылом, пока ты спишь. Я знаю, в эти моменты ты улыбаешься. У меня в голове тысячи историй о разных людях, но каждая всё равно о тебе. А знал бы ты сколько внутри у меня нежности, которую я запираю на ключ, чтобы она не досталась кому-то, ведь я несу её тебе и обязательно отдам в тот день, когда я тебя обниму.

Многое рассказать

И я бы многое хотела рассказать тебе – обо мне, о жизни и счастье, добре и зле, и я знаю, что ты бы меня понял...

Понял бы, как никто другой, ибо в жилах наших течет одна кровь. Но я молчу, потому что знаю, ты никогда не спросишь. И вовсе не от того, что тебе не интересно, а от того, что страх мешает тебе узнать меня. Страх, рожденный из понимания – с ней не получится, как с остальными. Ты прекрасно осознаешь, какую власть над твоим сердцем я таю в себе, а потому никогда не решишься заплыть за буйки. Ты знаешь прекрасно, что не сможешь больше быть таким сильным, злым и мощным, лишь толькопустишь меня хотя бы на минутку в свое сердце. Ты сразу обмякнешь, сделаешься уязвимым и даже беспомощным. А это не в твоих правилах, ведь ты привык быть покорителем, а не покоренным. И ты ходишь по краю, не пуская меня в свою жизнь и, в то же время, держа под прицелом своего взгляда, не давая отойти от тебя на слишком далекое расстояние. Ты пробуешь забыться и забыть. Другие женщины, они все очень красивые, дорогие, словно лучшие сорта вин, и ты их дегустируешь одну за другой, но отхлебнув глоток, пить до дна не желаешь. Ты хочешь меня. Никто и ничто не разубедит меня в обратном. Я знаю это. Я это узнала сразу, заглянув впервые в твои глаза. Хочешь так сильно, что это желание

пугает тебя. Ты любишь меня. Любишь, но никогда не скажешь мне этого, более того, ты не скажешь этого даже самому себе, ибо подпишешь себе смертный приговор. Ты знаешь, что сознавшись в подобном, ты уже не сможешь жить, как прежде. И ты очень хотел бы мне рассказать о многом – о себе, о жизни и счастье, добре и зле, ибо знаешь, что я, как никто другой, поняла бы тебя, ведь мы с тобой одной крови. Но ты молчишь, потому что чувствуешь – я твоя погибель. А ты моя. Ты любишь и ненавидишь меня за это.

И мы молчим, унося в сердцах тонны нежности друг к другу.

Привкус

Сами по себе слова ничего не значат. Имеет значение только то, что мы в них вкладываем. Важно не само слово, а тот привкус, который остался после него на твоих губах...

У нее ничего не было

У неё ничего не было, ни имени, ни денег, ни положения в обществе. Ничего, кроме огромных зелёных глаз, заглянув в которые однажды, совершенно случайно, я увидел такое... Страны, моря, океаны, седые ветры, далёкие звёзды, галактики. В её глазах был не мир, а множество миров. Я смотрел в них, как замороженный – передо мной проплывали бригантины с алыми парусами, благородные герои спешили спасти красавиц из лап кровожадных чудовищ, а красавицы растили для своих отважных рыцарей большие верные сердца в хрустальных небьющихся шкатулках. В её глазах я увидел столько историй с волшебными сюжетами, столько сказок, страшных и прекрасных, столько любви, нежности и печали, что никакая сила в мире не способна была меня от них оторвать.

Она потом призналась, что никому этого не показывала, кроме меня. Когда я спросил её, сколько мужчин она так приворожила, она рассмеялась мне в лицо, словно ребёнок, и сказала: «Это я всё для тебя хранила, глупый, собирала от жизни к жизни, из вечности в вечность, даже и не думала, что пригодится.»

Ты шла мне навстречу

Ты шла мне навстречу так, как будто шла ко мне всю свою жизнь...

Мой взгляд сразу «выцепил» твою тонкую фигурку в толпе. И вовсе не потому, что на тебе было надето яркое платье цвета фуксии, выгодно облегающее твой стройный стан. Ты показалась мне такой беззащитной, не смотря на то, что походка была уверенной, осанка прямой, голова гордо посажена на хрупких плечах, подбородок вздёрнут – так ходят девочки, которые всё своё детство занимались танцами. Так ходят девочки гордые и те ещё, которых жизнь бьет очень больно. Ты была скорее из вторых. Это я сразу увидел. Так идёт человек, не надменный, а тот, кто привык не плакать на людях, ведь когда голова поднята к небу, слёзы не катятся по твоим щекам. Ты шла так, словно тебе было наплевать на весь мир, на всех вокруг. Всех, кроме меня. Ты выбрала цель и двигалась уверенно. Я знал, что эта цель я. Ты шла ко мне и чем ближе ты подходила, тем яснее я мог различить твои глаза. Позже, когда мы поравнялись с тобой и я увидел в них то, что не видел ни у одной из женщин, хотя, признаться, мне довелось прочесть немало женских глаз, я возликовал. Это была точно ты. В этом не было никакого сомнения. Девушка с глазами цвета моря. Я искал тебя всю жизнь, а мне

попадались одни подделки. Я ринулся к тебе, не знаю что, но оно буквально понесло меня в твою сторону, узнав и различив мгновенно. Я ещё не слышал твоего голоса, а уже тонул в его звуках, ещё не касался твоего тела, а уже пьянел от аромата твоих волос. И когда ты улыбнулась мне, я уже точно знал, что ты моя любовь.

Моя судьба, моя свобода.

Когда я тебя впервые увидел

Когда я тебя впервые увидел, то сразу же захотел посадить в машину и увезти, куда глаза глядят.

Мне неважно было, кто ты и чем в этой жизни занимаешься, мне даже неважно было, одна ты или с кем-то живёшь. Я просто захотел тебя, всю и без остатка, сразу, сейчас же, не раздумывая и не рассуждая о последствиях. Украсть, присвоить. Я просто отчаянно захотел, чтобы ты стала моей, хрупкая девочка с глазами, полными звёзд. Мне хотелось забрать тебя из каменных джунглей твоего огромного мегаполиса и показать тебе весь мир. Моря, океаны, горы и разные города, населенные незнакомыми людьми, говорящими на непонятном языке. Мне хотелось обойти с тобой всю эту круглую Землю, взявшись за руки, и путешествовать так долго, пока не устанем. А потом купить маленький домик на берегу моря и остановиться в нём, чтобы растить детей. Я захотел от тебя девочку с такими же глазами, полными звёзд, подобными твоим, и мальчика, похожего на меня.

Я смотрел на тебя, и вся моя жизнь с тобой вырисовывалась большой и подробной яркой картиной у меня в голове.

Когда я тебя впервые увидел, я сразу же захотел, чтобы ты стала моей.

На миг, на день, на год. Навсегда.

Разве можно забыть?

Сначала мы друг другу очень понравились. Закрутилось все очень быстро, с первого взгляда прямо вспышка, молния, буря, цунами. «Ты такой классный!», «Ты невероятная!»

А потом стали друг друга бесить. Не припомню, чтобы кто-то так злил меня. И я прекрасно видела, что ты испытываешь то же самое. «Боже мой, как можно быть таким упрямым бараном!», «Дай мне, Бог, терпения не убить эту сучку!» Я хотела тебя всем моим существом с первой же минуты, ты желал меня повсюду и всегда. Наши тела испытывали наслаждение, а души сильно рвались от невозможности вынести такой накал страстей. Ты мне делал очень больно, видимо, не отдавая себе в этом отчёта, а я из вредности платила тебе той же монетой. Нам бы остановиться, передохнуть хоть немного, но куда там! Наши сердца летели в бой друг на друга. Кто кого? Эта любовь больше напоминала игру на выживание или битву за кубок Сердца. В итоге проиграли оба. Я сдалась в твой плен, устав ненавидеть тебя за то лишь, что слишком люблю, ты смирился со своим поражением, так и не поняв, что давно одержал надо мной победу. Мы извели себя, изрядно потрепав в наших схватках, но зато как сладок был наш пир во имя мира, который мы решили установить в нашей Вселенной. Мы зажили в спокойной нежности и полном согласии. Хотя нет-нет, да и вспоминали

дни былых сражений.

А разве можно такое забыть?

Сумасшедшие

А мы оба были сумасшедшие, помнишь?

Готовые за один поцелуй преодолеть расстояние в тысячу километров. Ну, кто ещё на такое способен – встретиться на десять минут, сорваться друг к другу в ночи, чтобы снова расстаться на несколько месяцев? Два психа, что с таких взять? Нет, головой мы никогда не думали, наши головы зацепились за облака, в которых так хорошо нам было гулять. Но мы не спали, напротив, мне кажется, мы сейчас спим, когда ходим по земле такие разумные, гордые все и независимые, упрямо делая вид, что друг без друга нам лучше. И теперь, когда заглушили мы крик своих сердец дурацкими доводами, перестав друг друга слушать и понимать без слов, именно сейчас мы спим. Я иногда просыпаюсь, веришь? Услышу какую-нибудь «нашу» мелодию, или мелькнёт в толпе лицо, отдаленно напоминающее твои черты, и так больно становится там, внутри, под рёбрами, где когда-то так сладко было мне тебя ощущать. И я понимаю, что ты здесь, со мной, просто тяжело всё время о тебе думать, таскать тебя сонного с собой повсюду, поэтому и стараюсь забыть. Ты ведь то же самое делаешь, я знаю. И какой-нибудь умник обязательно нам скажет: «Да правильно всё, ребята, раз сожгли мосты, так нечего смотреть назад». И он прав будет, несомненно, нет пути назад для того, кто все спалил за со-

бой. Только вот и вперёд нам друг без друга идти тяжело. Тянет что-то такое, чему название люди ещё не придумали. Это не любовь даже, это память о том, что было и снова будет. Когда-нибудь, в одной из следующих жизней, в какой-нибудь параллели и, может быть даже, другой реальности, мы случимся снова. Ты вдохнёшь аромат моих волос и узнаешь меня.

Я верю...

Ты была самой странной девушкой, которую я встречал

Ты была самой странной девушкой, которую я встречал.

Сумасшедшая, спонтанная и непредсказуемая. Твоё настроение менялось, словно калейдоскоп, я не успевал угадывать его. Ты могла подолгу молчать, уйдя в свою ракушку, а я всё гадал, что же я сделал не так. А потом вдруг прибежала ко мне и начинала говорить без умолку. Твоя взбалмошность сводила меня с ума. Я всегда умел предугадать желание женщины, все те, кто был у меня до тебя, отличались схожими вкусами: цветы, подарки, путешествия – на это все они легко покупались. Тебе же это было неинтересно. Ты то звала меня, на полном серьезе, ограбить банк, рассказывая с горящими глазами, как славно мы потом потратим деньги, то тащила вдруг посреди ночи в клуб, чтобы станцевать вдвоём на столе, а мои слабые протесты игнорировала. Мои друзья, говоря о тебе, крутили пальцем у виска и называли ненормальной, однако я видел, как жадно скользят их взгляды по твоей восхитительной фигурке. Ты никогда не замечала этого, ты вообще игнорировала других мужчин, и мне это было и лестно и чертовски приятно. Временами мне очень хотелось, чтобы ты успокоилась, чтобы наша жизнь стала более ровной, а ссоры менее частыми. Я хотел, чтобы ты пе-

рестала куда-то нестись, кого-то спасать и впутывать меня в какие-то невероятные истории. Но потом я понимал, что ты море, а море нельзя держать в стеклянной банке.

Море можно просто любить, любить со всеми его приливами и отливами, штормами и штилями.

Не из тех

Ты была не из тех, чьё имя выбивают себе на тату. Потому что твоё имя прожгло мне нутро и легло на сердце проклятым клеймом. О таких, как ты, не треплются с друзьями в барах, пропуская очередную порцию элитного виски. О таких, как ты, молчат на людях, а потом разбивают в одиночестве кулаки о стену в кровь от бессилия и тоски. О таких, как ты, не скучают. Таких держат по карманам и шрамам. Таких, как ты, не любят. По таким, как ты, подымают и воют, словно дикие звери в западне.

Я никогда не скажу тебе этого. Но я скажу тебе, что ты мне очень нужна.

Бабочки

Я посылала к тебе бабочек летом, чтобы они принесли на своих крылышках тебе мою нежность. Я шептала ветру слова любви, чтобы ты услышал их. Я говорила с тобой, устремляя глаза в небо. Я чувствовала тебя повсюду: в шорохе травы и каплях прохладного дождя на моих губах. Чтобы я ни делала, где бы я ни была, я думала о тебе, я жила тобой. И как бы далеко ни хотела я от тебя убежать, моё сердце всегда стремилось к тебе...

Тонул в этих глазах

Я тонул в этих глазах и не хотел, чтобы меня спасали.

Мне всегда нравились карие, но когда ты впервые посмотрела на меня своими бесовскими, матовыми, я понял, что отныне зелёный мой любимый цвет. Я всегда ценил женскую привлекательность, и для меня важны были ноги, попа, грудь. Ты была прекрасно сложена, но я смотрел на тебя и видел только твои глаза. Этот взгляд, в котором секса больше, чем даже в самом сексе – в нем вся ты. Смесь наивности и порока. Серьёзности, даже какой-то неземной мудрости и абсолютного легкомыслия, неприспособленности к окружающей действительности. Иногда ты была словно добрая фея, хрупкая такая, что тебя хотелось защитить от всего и всех, но порой я ловил себя на мысли, что хочу придушить тебя, когда в тебе просыпалась ведьма – злая, холодная, мстительная. Глаза твои меняли оттенок – от мятного, лесного, до цвета морской волны. Я пытался прочесть твоё настроение по ним, но оно так внезапно менялось, что я не успевал поймать его. Ты всегда была одно сплошное противоречие. Ты путала следы, словно хитрая лиса, подкрадывалась незаметно, как кошка и могла ужалить, подобно ядовитой змее. Со временем я устал тебя разгадывать. Я перестал пытаться переделать тебя, подавляя в тебе всё дурное, потому что по-

нял, без плохого в тебе, не было бы так притягательно хорошее.

Я давно утонул в твоих глаз и не хочу, чтобы меня спасали.

Был бы ты моим

Был бы ты моим, я бы тебя смешила...

Клянусь, каждый день я придумывала бы такую шутку, от которой ты долго смеялся бы, ведь я так люблю твой смех, твою улыбку и мне нравится, когда ты счастлив. Была бы я твоей, я бы тебя слушалась. Я бы постаралась сделать так, чтобы ты никогда не хмурил брови, я бы с тобой почти никогда не спорила и старалась бы никогда не злить. Были бы мы сейчас вдвоём, я бы с тобой не разговаривала, не задавала кучу дурацких вопросов, а села бы к тебе на колени, притянула бы к себе твоё лицо и поцеловала бы нежно-нежно. Если бы я была твоя, а ты мой, мы бы никогда не расстались... ты бы меня любил, я знаю, а я бы тебя ещё сильнее...

Если бы я могла, я бы обязательно отменила это чертово сослагательное наклонение, чтобы никогда не грустить о невозможном.

Чтобы больше не скучать по тебе...

Хотела быть нежной

Я с тобой хотела быть нежной. А ты брал мою нежность своими грубыми руками и рвал её тонкие нити-паутинки, и они так смешно и нелепо разлетались по ветру, зачем-то продолжая сверкать на солнце. Я плакала. Ты смеялся. Мне было больно. Тебе весело. Эта игра забавляла тебя, но пришёл час, когда у меня не осталось для тебя больше нежности. Это только сначала кажется, что её целое море или даже океан. Она рвётся от грубости, тает без любви. Пришёл день, когда я почувствовала в своём сердце абсолютную пустоту к тебе. Я ушла, ни разу не оглянувшись. С тех пор я перестала плакать. А ты перестала смеяться.

В тот самый день, когда я поняла, что могу без тебя, ты понял, что без меня не можешь...

Когда мы перестали быть родными?

Пытаюсь вспомнить, когда мы с тобой перестали быть родными... Кто-то скажет: «Раз перестали, значит родными по-настоящему и не были.» Да только что он понимает? Никто не знает, как мы были близки, кроме нас самих. Только ты помнишь, как звонила я тебе в три часа ночи, чтобы рассказать свои неприятности и поплакаться. А ты всё выслушивал и ни разу не накричал на меня за то, что бужу, хотя наутро тебе нужно было рано вставать. Только я знаю, как бежала к тебе следующей ночью, когда стрелки часов давно перевалили за полночь, без косметики, надев на себя то, что под рукой было, только для того, чтобы ты мог меня поцеловать. И никто не знает, как ты целовал меня этими звездными ночами, и как я таяла на твоих губах и в твоих сильных руках. Где им понять, что мы готовы были друг за друга порвать любого? А как мы с тобой друг за друга переживали! Разве они знают? Скажи, когда это кончилось? Когда твоё сердце перестало за меня молиться, а моё за тебя ныть? Когда мы поняли, что можем обойтись один без другого? Может быть тогда, когда перестал ты на завтрак угощать меня своей любовью? Или тогда, когда я прекратила будить тебя по ночам, чтобы поговорить о всякой ерунде? Когда мы пе-

перестали чувствовать друг друга, договаривать друг за другом фразы? Когда случилось так, что ты меня разлюбил, а я спокойно приняла это, едва лишь пожав плечами? Я же помню, мы родными были. Я это точно знаю. Просто ты перестал тонуть во мне, а я слушать тебя с придыханием сердца. Мы близкими такими были, что ближе не бывает. Но перестали однажды.

Или всё-таки нет?

Одиночество на двоих

Ты – моё одиночество, моё убежище...

Говорят, что никто не может точно сказать, за что он кого-то полюбил, что именно его зацепило в человеке. Внешность, характер, отношение к себе? Я знаю, что влюбилась в твоё одиночество. Ты позвонил мне как-то поздно ночью, мы уже были довольно давно знакомы, но поверхностно, и сказал фразу, которая меня и удивила и одновременно заморозила: «Поговори со мной, мне одиноко.» Не скучно, не грустно, а именно так: «Одиноко». И это слово так не вязалось с тобой, таким шикарным внешне, весёлым, всегда окружённым многочисленными приятелями и морем поклонниц. Ты приехал ко мне быстро. Я открыла тебе дверь и ослепла. Ты стоял передо мной такой красивый, одинокий, совсем не похожий на того парня, которого я знала, и смотрел на меня глазами, в которых я увидела Вечность. У меня закружилась голова, я утонула в этих двух синих морях, не понимая, почему я раньше никогда в них не заглядывала. Ты прошёл не в спальню, а на кухню и мы проболтали до самого утра. Ты задавал мне столько вопросов, на которые я откровенно отвечала. Тебе было интересно и важно абсолютно всё обо мне. Я поймала себя на мысли, что у меня нет и тени смущения. Я говорила тебе такие сокровенные ве-

щи, которые я, абсолютный интроверт, не говорила никому и никогда. Мне захотелось отдать тебе что-то очень важное, подарить такое, что никогда ещё никому не дарила, чтобы избавить тебя от этого одиночества. Мне захотелось сделать тебя по-настоящему счастливым. Когда ты ушёл от меня под утро, я почувствовала такую пустоту в грудной клетке, что стало больно дышать. Словно, попытавшись избавить тебя от одиночества, я заразилась им сама.

Я тогда не знала, что в ту ночь ты приходил за моим сердцем...

Я искал в тебе покой

Я искал в тебе покой, а нашёл целую стихию...

Всё во мне потянулось к тебе сразу, лишь только ты сказала мне: «Привет». В твоих устах это прозвучало настолько непринуждённо, словно мы были знакомы тысячу лет. Мне так захотелось тебя присвоить, сделать своей, что мне было абсолютно всё равно, кому ты принадлежишь. Я посмотрел на тебя и мысленно произнёс: «Моя!» От тебя веяло каким-то умиротворением, ты была вся сплошная нежность. Мне захотелось просто увезти тебя, куда глаза глядят, чтобы провести с тобой день, месяц, год, а может и всю жизнь. Я ещё не знал, что таит этот зелёный омут твоих глаз. Мне захотелось это разгадать, и чем больше я погружался в тебя, тем больше ты меня удивляла. Да что там удивляла? Ты выводила меня своими противоречиями из себя. Словно дикая кошка, ты грелась на солнце, лениво позволяя себя погладить, а потом неожиданно вцеплялась мне своими острыми когтями прямо в сердце. Ни одна женщина не делала мне так больно. Ни одну я не пускал дальше своей кредитной карты. Ты вошла прямо в душу, впилась в неё, как заноза, и чем яростнее я пытался вырвать тебя из нее, тем глубже и больнее ты в нее проникала. С тобой я не мог ослабить хватку ни на минуту, ты или уходила, не произнося ни слова, ли-

бо бросалась на меня с дикой яростью. Ты из тех самых, диких сердцем, кому необходим контроль и строгость. Но когда моя нежность встречается с твоей – это как поцелуй двух морей, слияние двух звёзд!

Я искал в тебе покой, а нашёл саму жизнь. Ты словно океан мой Тихий, который тихий только по названию...

Мы как черное и белое

Мы как чёрное и белое. Как инь и янь. Как солёное и сладкое. Как день и ночь. Как плюс и минус. Словно Север и Юг. Лёд и огонь. Мы абсолютные противоположности. Два резких контраста на выделенной взлётной полосе к звёздам. Господи, кто и зачем нас свёл? Кто задумал эту невозможную встречу, которая изначально ничего хорошего не сулила? Кому нужен был этот атомный взрыв? Кому прок от этой постоянной нашей войны, от конфронтации двух эго, от этой битвы двух гордынь? Кто сказал, что противоположности сходятся? Они сталкиваются, словно мощным магнитом, притягиваясь друг к другу, но лишь для того, чтобы больно ударившись лбами, снова оттолкнуться. Никто и никогда не уступит, не выкинет белый флаг, а уж тем более не встанет на колени, покорно опустив голову! Ты моя беда, я твоё стихийное бедствие. Ты самый крутой облом моей жизни и самый крутой кайф. Я самое большое твоё разочарование и вечная зависимость. Я ненавижу тебя, любовь моя, ты презираешь и возносишь меня до небес.

Вместе нам нелегко, невыносимо, ужасно, но друг без друга мы гаснем и превращаемся в пыль.

Лето в городе

Лето в городе. Плавятся асфальт и мысли. Тает мороженое в руках и моя гордость. Невозможно хочется к тебе. Размягченное от солнца и нежности, сердце медленно течёт по моим венам. Тело приобретает шоколадно-золотистый оттенок, позволяющий носить в такую жару минимум одежды. Лето скрывает печаль, загоняя тоску в самую тень молодых деревьев. Легкий ветерок путает мне волосы, напоминая твои прикосновения. Улыбка блаженства сама вырисовывается на моем лице. Мне хорошо и больно. Хорошо от того, что ты есть. Больно, что тебя нет не рядом.

Вкус моря

Я поцеловал тебя впервые слишком страстно, и случайно прикусил твою нижнюю губку. Ты ойкнула, и я почувствовал солёный привкус крови у себя во рту. Он мне напомнил отчего-то море. И я подумал в этот миг, что ты и есть оно. То нежная и спокойная, то бурная и непокорная, даже дерзкая. Ты была в моих руках, а я ликовал, что, наконец-то, смог покорить стихию.

Потом я понял, что стихию покорить нельзя. Ты так мотала мои нервы, что я готов был убить тебя порой за твои выходки. Ты называла это прямолинейностью, а я бы, дай мне волю, выбил, вытряс бы из тебя эту самую «прямолинейность» всю до остатка, так ты была невыносима, а мне хотелось твоей ласки, ведь ласковая ты была несравненна. Но как это бывает с морем, никогда не угадаешь погоду. Ты могла молчать задумчиво часами, даже днями, а затем вдруг срывалась по пустякам. Тебя несло, как ту волну шальную, накрывая меня с головой.

И, каюсь, часто я хотел потом, как бы случайно, сделать тебе больно, и ранил твоё сердце, чтобы снова ощутить тот солёный вкус податливого моря на своих губах...

Не отдам

Я тебя не отдам никому. Они же не справятся с твоим сердцем. Разворотят у тебя всё в нём, а так и не поймут, что к чему. И ты меня не отдавай, никто кроме тебя не знает, как у меня внутри всё устроено. Понимаешь, они хорошие, лучше нас с тобой во многом, но чужие. Это мы друг друга на атомы можем вслепую разобрать, а потом также вслепую собрать обратно. А они не могут. Я же каждую твою трещинку в душе изучила и все ходы и лазейки знаю, куда нельзя, куда можно, где громко разговаривать надо и даже кричать, а где только шёпотом или даже молча. Ты же меня наизусть знаешь, читаешь с закрытыми глазами, я только подумала, а ты мысль мою уже вслух произнёс. Ты знаешь, когда со мной похолодней, а когда теплее нужно, а с другими я увяну, словно инопланетный цветок в чужеродной почве. Мы же сложные оба, с нами трудно, другим не совладать. Вот скажи, кто ещё сможет понять тебя с полуслова, полу взгляда, кто узнает, что тебе плохо, когда ты об этом не говоришь?

Не отдам я тебя никому. Не могу просто. Я же вся изведусь, как ты один без меня. Я же тоже без тебя всегда одна, даже если и с кем-то.

Без тебя наполовину лишь жива, как и ты без меня.

Демон

Ты – мой собственный персональный дьявол. Не знаю, чем я тебя заслужил, может тем, что сам когда-то попил немало женской крови, но мою ты выпила до капли. Девочка моя, невыносимая, дерзкая, непокорная. Как же мне трудно с тобой, какая ты вся колючая, словно терновник. Я с тобой излишне строг бываю, потому что знаю, ослаблю хватку и ты, моё нежнейшее с виду создание, вопьёшься шипами мне прямо в грудь, выпустив из меня остатки моей души. Я же почти всю её тебе отдал, напоил собой до краев, лишь бы ты цвела, моё сокровище. Я охранял тебя, словно степной волк в ночи, от всего мира и от себя самого. Я согревал тебя холодными январскими днями, оберегал ото всех. Знаешь ли ты это? Ведь я ни разу не признался тебе, что изодрал в клочья немало недругов твоих, осмелившихся бросить недобрый взгляд на тебя. Знаешь ли ты, что я всегда был рядом с тобой, даже в те дни, которые разделяли нас километрами? Чувствовала ли ты моё дыхание у себя за спиной, когда ты кричала мне, что уходишь и шла прочь, желая оглянуться, но никогда не делая этого из-за своей проклятой гордости? Знаешь ли ты, сколько значишь для меня, и какво мне бывает засыпать без тебя и просыпаться не с тобой? Ты гонишь меня прочь, уходишь сама, потом возвращаешься и я, поклявшись, что больше не впущу, не позволю тебе хо-

зайничать в моем сердце, снова и снова открываю тебе свои двери. Ты просишь прощения, заглядываешь мне в глаза так, словно и не была никогда такой жестокой сукой.

Я хмурю брови, но поднимаю тебя с колен и беру на руки.

Ангел мой, демон мой любимый...

Не мог вытерпеть

Признайся, ты же не мог долго вытерпеть меня хорошую. Хватало тебя дня на два, на три, максимум. А дальше началось: не то сказала, не так оделась, плохо смотришь и смотришься. Сначала я изо всех сил старалась быть ещё лучше, занималась самокопанием, задавая себе бессмысленные вопросы: «Что я сделала не так?» и «Почему он снова недоволен?». А потом начинала злиться. Что-то там внутри меня настолько было несогласно с несправедливостью по отношению ко мне, что превращало меня в настоящую стерву, бес-тию, колкую и язвительную. Затем мне становилось на тебя как-то болезненно всё равно, и плевать я хотела на твои придирки. Я говорила, что думала, называя вещи своими именами, я делала, что хотела, и вела себя с тобой не только естественно, но вообще развязно и даже нагло, совсем не заботясь о том, что могу обидеть или разозлить. И о чудо. Отношение твоё резко менялось. Я видела угасший, уже было, огонёк в твоих глазах. Ты хватал меня резко, жадно впиваясь губами в мои, ты брал меня грубо, дерзко, но с таким желанием, с такой страстью, как будто до меня у тебя не было ни одной женщины. После чего укутывал меня такой нежностью, словно я была не чертом с тобой, выматывающим твои нервы, а ангелом во плоти.

И однажды я поняла, что не любишь ты хороших девочек,

с которыми тебе становится элементарно скучно, что не нужно с тебя сдувать мне пылинки, страдая из-за того, что ты этого совсем не ценишь, а просто нужно жить в своё удовольствие, доставляя этим удовольствие тебе.

Свирепость

Ты бросалась на меня со свирепостью дикой пантеры, впинаясь когтями в мою кожу и сердце.

Все видели тебя пушистой ласковой кошечкой, воспитанной леди, умеющий держать спину и голос ровно. Со мной ты срывалась на крик, а из твоих глаз сыпались молнии. В тебе ненависти было ровно столько, сколько и любви. Ты ненавидела меня и не скрывала этого. Ты ненавидела себя, нас, за то, что так сильно любишь. Ты не привыкла подчиняться, а мне подчиняться тебе приходилось. Я не ломал тебя специально, не ставил душу твою на колени. Ты сама ломала свою гордыню и боролась со спесью, а я просто твёрдо гнул свою линию, прекрасно понимая, что поддавшись тебе хоть раз, сразу же попаду в твои сети, и вряд ли ты будешь уважать меня за это. Я поступал с тобой так, как поступают с ребёнком – направлял, учил, вёл за собой. И ты шла, хоть и не всегда легко давались тебе эти шаги. Временами мне хотелось просто тебя любить, зацеловывая твою непокорную макушку и израненное, в большинстве своём, тобой же, сердце. Но я знал, долго так с тобой нельзя, ибо одни сплошные пряники – это не для таких диких, как ты. Ты злилась на меня, пробовала на прочность, ломая свои острые коготки об меня, но, в глубине души, признавала, что я прав. И однажды ты по-

няла, что как бы горячо я тебя ни любил, никогда не допущу того, чтобы ты управляла мной. Ты бы просто перестала меня уважать и любить, как более слабого. А тебе нужна была моя сила, ты нуждалась в ней, как в море нуждается корабль.

Сила – твоя стихия. И ты искала её во всех, а нашла, наконец, во мне.

Никогда не скажу

Я никогда не скажу тебе, что ты для меня значишь.

Ты не услышишь ни горячих признаний, ни красивых, изысканных слов о любви. Не потому, что мне нечего сказать тебе. Напротив, в моем сердце лежат и пылятся целые тома невысказанных слов для тебя. Но знаешь, там им и место. Просто какой в них смысл, если тебе они не нужны? Тебе нужны моё тело, мои эмоции даже, но не чувства. Тебе не нужна я. Я, когда мне плохо, холодно и темно. Такая тебя не устраивает. Ты её игнорируешь. Ждёшь, пока она пройдёт и на её место придёт другая я, та, что ничего не требует, никогда не плачет и всегда на позитиве. Эту ты с удовольствием принимаешь, раскрываешь ей объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.